

Классическая гимназия в Москве

19 ноября 1996 года в программе «Лицом к городу» был показан сюжет о Классической гимназии при Греко-латинском кабинете, которая, размещаясь в центре, неизбежно сталкивается с трудностями в связи с арендой и ремонтом здания, где она располагается. Мэр Москвы Ю. М. Лужков выразил готовность помочь учебному заведению с довольно редкой — классической — программой, в основе которой — древние языки, сильная математика и Закон Божий.

Почему вообще в Европе, Америке и Японии, и даже в далекой Австралии развивается тот тип образования, которым некогда могла гордиться и Россия? До революции классические гимназии были в каждом губернском центре, не говоря уже о столицах: только в самом центре Москвы, в районе Остоженки, Пречистенки, Волхонки находилось шесть гимназий: Классическая гимназия Поливанова (Пречистенка, 32), 1-я мужская классическая гимназия (Волхонка, 16), Классическая частная женская гимназия Фишер (Пречистенка, 36), Гимназия Московского общества преподавателей (2-й Обыденский, 14), Гимназия Констан (2-й Обыденский, 9), Частная женская гимназия Арсеньевой (Пречистенка, 12). А рядом были помимо этого Лицей цесаревича Николая (Крымский пр., 2), Александро-Мариинский институт (Пречистенка, 19), Ермаковское училище (Пречистенская наб., 11), и другие. Все они вкладывали свою лепту в тот неповторимый облик Первопрестольной, который то там, то здесь начинает угадываться вновь... Но восстановить классические гимназии — эту особую и неповторимую приметку Москвы, увеличившейся по площади и численности населения почти в 10 раз, — и вновь воссоздать сам тип уничтоженного у нас классического образования оказывается совсем не проще, чем вновь возвести разрушенные храмы.

Над этим трудятся историки и филологи-классики Санкт-Петербурга, организовавшие в 1989 году Классическую гимназию на базе государственной школы. Этим же заняты и мы в Москве, налаживая издательскую и педагогическую работу организованного в 1990 году Греко-латинского кабинета и созданной при кабинете Классической гимназии, работающей с 1993 года.

В чем специфика этого типа образования, каковы его разновидности и почему мы должны с таким вниманием отнестись к его

восстановлению? Я думаю, некоторые примеры как недавней, так и давно завершившейся истории помогут ответить на этот вопрос.

* * *

В 30-е — 40-е годы нашего века стали выходить работы хорошо известного специалистам по античной философии и филологам-классикам Харольда Черниса. Это был первый американский исследователь, приобретший авторитет в той области знания, которая кажется очень далекой от злобы дня.

Первая знаменитая книга Черниса, посвященная Аристотелю и досократовским философам, появилась в 1935 году, когда Новый курс президента Рузвельта впервые дал ощутимые результаты в промышленности, а Гарри Трумен стал сенатором в штате Миссури. Еще одна не менее известная его книга о платоновской Академии вышла в 1945, когда Трумен стал президентом.

Эти факты могут показаться случайным совпадением, но именно с 40-х годов начинает развиваться классическая филология в США. Еще до войны многие видные деятели западной культуры эмигрировали в Америку, среди них — знаменитый филолог-классик Вернер Йегер, который в Америке завершал свое трехтомное исследование по истории античной педагогики: к нему Йегер уже по-английски прибавил книгу о раннем христианстве и греческом воспитательном идеале.

Герой «Саги о Форсайтах» Сомс, путешествуя в течение двух месяцев по Америке, впервые услышал английскую речь, случайно встретив англичан. Так Голсуорси демонстрирует отношение англичан к некультурным американцам и их варварскому языку. После войны Америка понимает, что она стала державой номер один в мире, и начинает энергично поддерживать Западную Европу экономически, а у себя заводит хорошее образование. В моду входит риторика, «Междуштатная организация ораторов» организует соревнования мужских и женских команд. Во множестве возникают также кафедры по классической филологии, и менее чем за двадцать лет в США появляется свыше ста таких центров.

Лучшие специалисты из Европы едут в Америку и либо остаются там навсегда, либо делают там карьеру благодаря исключительным условиям работы: высокие зарплаты, разного рода стипендии, гранты, а также исключительные библиотеки, командировки по всему свету, возможности публикации результатов исследований — по всем этим параметрам Америка до сравнительно недавнего времени оставляла далеко позади Европу.

Но все-таки Америка — европейская страна, по крайней мере в своих истоках: создавали ее выходцы из Европы, и часть их —

как и в самой Европе — в определенный период горела европейскими идеями демократии, полноценного образования и проч.

Однако посмотрим, что происходит в Японии уже через пятнадцать-двадцать лет после того, как американцы решили заботиться о развитии демократии на островах. Попытаемся понять, почему Япония, едва осознав, что может идти впереди американцев в области технологий и вновь претендовать на реальное лидерство не только в регионе, но и в мире, тут же начинает обращать специальное внимание на то, что не имеет, казалось бы, отношения ни к экономике, ни к политике.

А именно, Страна Восходящего Солнца активно развивает европейские виды спорта, но стремится участвовать и в других состязаниях: в музыкальных конкурсах. Демонстрируя поначалу полное непонимание европейской музыки, японцы проявляют одновременно мощную волю ее понять. Мой тесть проф. Дружинин неоднократно работал в жюри международных альтовых конкурсов, и его поражал следующий факт: после первого тура, где проверяется техническая сторона дела, часто создавалось впечатление, что у участников-японцев нет соперников; но уже во втором туре, когда требовалась серьезная интерпретация музыки, они оказывались абсолютно беспомощны. Но мы знаем, что эта невероятная воля овладеть европейской духовностью дает свои плоды: теперь на весь мир знамениты японские исполнители и дирижеры.

Но помимо этого японцы проявляют ту же волю там, где покамест нет конкурсов и призов и где дело нельзя объяснить тем, что перед нами просто спортивный азарт: японцы всерьез занялись изучением классической филологии, древнегреческого и латинского языков и литератур, античной философии. В Японии есть специальный журнал по классической филологии (у нас стал издаваться усилиями петербургских классиков только с 1994 года), японцы участвуют в «Международном платоновском обществе» и других организациях филологов-классиков, они не только обегали со своими японскими видеокамерами все музеи Европы (кто бывает в крупных европейских музеях, знает, что множество японцев с камерами — обязательная примета любого из них), но всерьез занимаются европейской философией.

Еще в 30-е годы японцы присматривались к вошедшему в моду Хайдеггеру. Но совсем недавно директор крупнейшего парижского издательства (Les Belles Lettres), выпускающего лучшие греческие и латинские тексты, господин А. Сегонд, с восторгом говорил мне о стажере из Японии, блистательном знатоке и интерпретаторе Спинозы (которого читает, разумеется, по-латыни) и о том,

до какой степени японцы становятся сильны в этой сфере. Услышать такую похвалу от строгого и резкого господина Сегонда — великая редкость и по отношению к европейским гуманитариям.

Эти два примера из ближайшей современности кому-то могут показаться маргинальными и не отражающими существенных сторон современного развития великих держав. Однако для меня они несомненно подтверждают то, что свойственно всей европейской истории с самого ее начала. Но прежде рассмотрим более близкие примеры.

Едва «успехи индустриализации и коллективизации» после первой пятилетки заложили «основы для победы социализма» в СССР, после того как были установлены дипломатические отношения с целым рядом стран, в том числе с Америкой (16 ноября 1933 года), в Москве и Ленинграде восстанавливаются кафедры классической филологии. Первый месяц занятий московских филологов-классиков был ознаменован вступлением СССР в Лигу Наций 18 сентября 1934 года.

Здесь опять можно сказать о случайных совпадениях. И действительно, я не думаю, что вопрос о восстановлении классической филологии в СССР был предметом специального рассмотрения дипломатов. Но факт остается фактом: осознание своего реального признания на мировой арене и безусловное чувство мирового лидерства даже при коммунистах сопровождалось у нас возобновлением изучения древнегреческого и латинского языков, которые были сознательно искоренены теми же коммунистами в 1918 году. А победив в войне с Германией, Сталин в конце 40-х намеревался завести и среднее классическое образование, успел ввести латынь, но в целом потерпел неудачу, — на мой взгляд, весьма симптоматичную в свете грядущего падения коммунизма.

Еще одно совпадение относится к царской России. В 1871 году на Лондонской конференции за Россией вновь закрепляется право держать на Черном море флот: Россия вновь решительно претендует на определяющую роль в Европе и — вводит в том же году новый гимназический устав, признающий только классические гимназии с двумя древними языками. В этом же году была образована Германская империя, и через год Россия и Германия с уравновешивающей влияние России Австрией безусловно доминируют в Европе, причем Россия продолжает интенсивно развивать изучение языков и культуры греков и римлян вместе с Германией, которая в этот период была безусловно первой страной в области классического образования и учености. Все бранили — не без оснований — нашу гимназическую систему за сухость и формализм. И все же

именно развитием классического образования определяется необыкновенный взлет русской культуры в конце XIX — начале XX века.

Теперь рассмотрим более отдаленные эпохи.

Начиная с эпохи Возрождения все ведущие европейские страны интенсивно развивают у себя классическую филологию, причем происходит это в той последовательности, в какой они приобретают экономическое и политическое влияние на международной арене: первыми были, разумеется, итальянцы, в XIV—XV веках восстановившие не только живое владение давно забытой классической латынью, но освоившие греческую традицию и приютившие множество образованных греков после падения Константинополя в 1453 году.

За ними — почувствовавшие свою силу французы. Франсуа I провел четыре войны против Италии, при нем во Франции начался Ренессанс и развился абсолютизм, для него работали Леонардо да Винчи и Рафаэль. В 1517 году он решает открыть школу древних языков, основывает королевскую типографию, где знаменитым Робером Этьеном во множестве печатались греческие и латинские тексты, в 1530 учреждает Коллеж де Франс — до сих пор самый привилегированный и престижный образовательный и научный центр страны. У меня хранится медаль с профилем Франсуа I, которую вручают приглашенным профессорам Коллеж де Франс (какового приглашения я был удостоен дважды), и я постоянно обращаюсь к «Латино-греко-немецкому словарю» Робера Этьена, — все это было не так уж давно, если мы до сих пор держим в руках книги того времени.

В конце XVI — начале XVII века классическая филология развивается в Нидерландах, богатейшей стране тогдашней Европы. К этому времени Нидерланды приобрели политическую независимость, обладали сильной армией, флотом и захватили множество колоний. Среди великих имен этого времени всем памятен основатель современного международного права Гуго Гроций. Гораздо менее известен Гуго Гроций как великолепный латинский поэт, — мне в свое время доставило удовольствие перевести его драму «Адам изгнанный» для «Литературных памятников». Именно ради его учености король Франции Анри IV, встретившись с ним в Анжере в мае 1598 года, воскликнул: «Вот слава Голландии!». Гроцию было тогда 15 лет.

Англия уже могла гордиться своим Шекспиром, но первый знаменитый английский филолог-классик Ричард Бентли стал известен своими работами только в конце XVII — начале XVIII века, то

есть в эпоху образования Великобритании и начала господства британского флота в Европе: он был назначен директором Тринити Колледж в Кембридже в 1710 году.

Если обратиться к еще более ранним временам, то мы увидим, что первое политическое и военное объединение Западной Европы как целого было странным, но теснейшим образом связано с восстановлением классического образования: Карл Великий, провозглашенный римским императором в 800 году, сам ни в каком смысле не будучи утонченным интеллектуалом, заводит знаменитую Аахенскую академию и обеспечивает в Европе первое возрождение классической древности.

Но образцом для всех последующих народов, входивших в европейскую семью и стремившихся занять в ней лидирующее место, служат, конечно, римляне: захватив в III веке до Рождества Христова Южную Италию и Сицилию, римляне — земледельцы и воины — заводят школы на греческий манер и очень скоро начинают развивать греческую культуру у себя.

Римляне — я думаю, впервые в мире — проявили это поразительное национальное смирение и в то же время — подлинную мудрость народа-лидера: они признали безусловное превосходство греческой культуры и решили, что здесь они не уступят никому, то есть будут вторыми после греков. Но тем самым они продемонстрировали свое подлинное первенство и впервые показали: действительно владеет миром тот, кто владеет объединяющей его культурой. В эпоху римлян это была греческая культура и греческий язык, господствовавший на просторах покоренных Александром Македонским земель. В наше время эта общая и объединяющая исторически и реально всю землю культура — европейская, непрерывно развивающаяся начиная от греков и римлян в течение тридцати веков.

Я не буду говорить здесь о других прекрасных примерах, показывающих значение классического наследия в формировании Древней Христианской Церкви, но напомним только одно: когда после Константина Великого христианство впервые получило официальное признание, оно проявило столь свойственные ему смирение и мудрость по отношению к языческой системе образования: христиане заимствовали из нее все самое лучшее и вместили ее по существу. И здесь еще раз было с несомненностью показано: непрерывность культуры, подготовившей мир к принятию Евангелия, и непрерывность европейской истории, уже почти две тысячи лет являющейся историей христианской, обеспечивается преемственностью образовательных учреждений.

Итак, сделаем заключение: развитие классического образования всегда происходило в той стране, которая осознавала свою способность к лидерству. Эта закономерность, вообще говоря, известна: неоднократно отмечалось, что все величайшие достижения в науке и культуре в XIX и XX веке принадлежат людям с классическим образованием. Поэтому цивилизованные страны иногда прибегают к искусственной поддержке классики. Так, Европейское сообщество, чувствуя необходимость поддержать престиж Европы в мире, и отдельные европейские страны (Германия, Нидерланды, Франция) специально выделяют очень значительные средства на развитие образовательных, научных, издательских программ в области классической филологии.

Из отечественных гуманитариев не мечтает о стажировке или работе в Америке, увы, обычно тот, кто уже работает в Германии или в другой европейской стране: добиться признания здесь сложнее, потому что несмотря ни на что общая атмосфера в Европе все еще остается более культурной — прямо пропорционально пройденным культурным поприщам, и обратно пропорционально американизации европейской жизни.

Но Европа может несколько искусственно поддерживать классические штудии и теряющее свои позиции классическое образование потому, что там эта многовековая традиция существует без перерыва. Что же касается нашей страны в ее теперешнем виде, то здесь дело осложняется тем, что нам — в который раз — приходится начинать все почти заново. К счастью, все-таки почти, а не совсем, потому что тонкая нить традиции сохранилась у нас несмотря на полное уничтожение гимназического образования.

В Петербурге занимаются классической филологией и учат древним языкам ученики Аристида Ивановича Доватура и Якова Марковича Боровского и ученики их учеников, усилиями которых в Петербурге создана Классическая гимназия, получившая большое здание и поддержку городских властей. В Москве непосредственные ученики Сергея Ивановича Соболевского и Александра Николаевича Попова учили филологов-классиков нашего поколения, на курсах при Греко-латинском кабинете еще читал лекции по литургике Андрей Чеславович Козаржевский, а написанный им учебник греческого языка мы издали и используем на наших занятиях.

Что же касается большинства московских гимназий, то ситуация здесь двойственная. Когда Лингвистический университет при поддержке Департамента образования проводил весной 1996 года олимпиаду по латинскому языку, в ней участвовали свыше 200 московских школьников, и Греко-латинский кабинет в порядке

спонсорской помощи с удовольствием передал организаторам олимпиады соответствующее количество экземпляров изданного нами «Латинско-русского словаря» О. Петрученко.

Таким образом, латыни в Москве учат. Но я думаю, можно сосчитать по пальцам одной руки школы, где латынь не просто добавлена к общеобразовательной программе (что тоже само по себе неплохо и способствует общему развитию учащихся), а входит в специально разработанную, полноценную и сбалансированную программу классической гимназии. А для успеха дела важно именно это: полноценность и сбалансированность. В чем оно — это существо — состоит?

Классическая гимназия — это вовсе не гуманитарная, литературная или лингвистическая школа. Существо классического образования состоит в том, что оно предполагает равное внимание к трем основным и до известной степени самостоятельным блокам дисциплин. Первый блок — древние языки, причем не как дополнение, а как основа, на которой строится обучение истории и литературе и всем дисциплинам гуманитарного цикла.

Почему древние (чтобы не сказать мертвые) языки важны именно как основа? Потому что они связывают нас со всей той культурой, которая одна смогла получить планетарное распространение. Европейцы с безусловным уважением относятся к другим культурам: многие древние культуры они открыли благодаря археологическим раскопкам и тем самым спасли от забвения, многим бесписьменным народам дали письменность, многие письменные культуры — изучили, изучают, переводят, издают.

Европейской культуре это свойственно с самого начала. Греки, например, считали своим долгом знать священные книги евреев и потому позаботились об их переводе на свой язык; а много ли мы знаем в ту пору еврейских переводов греческих классических текстов? Эта удивительная открытость и отзывчивость греков была воспринята римлянами: они постарались перевести или воспроизвести все достижения греков по-латыни. Это же качество открытости подлинной духовности предшествовавшей культуры было воспринято Христианской Церковью, двумя языками которой не случайно стали именно греческий и латынь.

Кстати сказать, этой открытости обязана многими своими духовными достижениями арабская культура: уже в VIII—IX веках с греческого на арабский было переведено огромное количество научных и философских текстов; но уже в средние века инициатива безусловно перешла к западной Европе.

Славяне применили свою специально созданную на основе греческого языка письменность прежде всего для перевода греческих же текстов: сначала богослужебных, а затем и множества других; а потом мы в России усваиваем латынь, которая становится у нас языком науки и богословия; а потом французский становится родным языком нашей аристократии, — но именно она дала нашему народу Пушкина, который в 1812 году читал вместе с другими лицеистами по-латыни об изгнании Ганнибала из Италии. Мы — как все прочие европейские народы — проявляли максимальную широту и открытость другим языкам и культурам, но и на родном языке сумели вместить все богатство мировой цивилизации.

Учители всего мира в этом — греки и римляне. Хотим мы этого или не хотим, но это так, и поэтому свыше двадцати веков образование национальной элиты любой страны-лидера на Земле строилось на изучении древнегреческого и латыни. В XX веке это понимали отошедшие от Европы американцы и до сих пор плохо знавшие Европу японцы. Знание древних языков необыкновенно цивилизует учащегося и с самого детства дает ему исключительный опыт развития социальности, то есть умение общаться с другими людьми, причем на самом высоком уровне, поскольку собеседником оказывается прославленный в веках военный и политический деятель, ученый и философ, и даже святой отец Церкви или пророк.

Помимо этого гимназист приучается воспринимать мир традиции из первых рук и самостоятельно ориентироваться в его ценностях. А в русских гимназиях греческий язык открывает кроме того подлинную основу формирования нашего родного языка как языка богословия, философии, истории и науки.

Если учесть, что наряду с двумя древними изучаются как языки реального живого общения три новых языка, и уже на этой базе изучается история и литература, — становится ясно: даже этот первый блок могут под руководством очень хороших педагогов освоить только очень способные дети.

Но в классической гимназии традиционно силен и другой блок: это математические и естественные науки, впервые созданные теми же греками. При этом мы стремимся к тому, чтобы в нашей гимназии курсы по точным наукам строились в историческом аспекте. Например, начиная с прогимназии изучается не абстрактно геометрия, а геометрия Евклида. А уже в гимназии знакомство учеников с древними языками позволяет преподавателю точных наук не думать о терминологии, которая строится на греческих и латинских корнях, а преподавателю биологии — сразу давать наряду с

русскими латинские названия животных и растений. Это облегчает ученику усвоение точных и естественных наук, но предполагает наличие у него способностей к этим наукам и умение их применять, — в частности, в тех же гуманитарных науках, например в лингвистике.

Но в нашей московской гимназии есть и третий блок дисциплин, отсутствующий в Санкт-Петербургской классической гимназии: они традиционно объединяются под общим названием Закон Божий. Сюда входит Священная история и история Церкви, толкование Священных книг Ветхого и Нового Завета, элементы литургики, знакомство с другими вероисповеданиями, а также церковное пение.

На наш взгляд, без этих дисциплин нельзя полноценно сформировать ребенка, поэтому Закон Божий в нашей гимназии — обязательный предмет, и ведет его православный священник, получивший на это благословение Святейшего Патриарха Алексия II. Конфессиональный барьер при отборе в гимназию отсутствует: прекрасно понимая, что десятилетия атеистического террора привели к элементарному невежеству и прямой дикости в этой сфере, мы исходно рассчитываем только на добрую волю родителей и их доверие к нам, нашей программе и нашим педагогам.

Что же касается детей, то благодаря предметам этого цикла для них впервые в ясном свете открывается русская и европейская история, русская культура с ее неповторимой архитектурой, иконописью, литературой, а для кого-то может открыться и полнота церковной жизни. Россия всегда была православной страной и именно поэтому в ней так полно были представлены и другие вероисповедания, тогда как всякого рода шовинистические, националистические и прямо фашистские тенденции суть результат дикости и в буквальном смысле слова сатанинской ненависти к подлинной духовности и культуре. Поэтому, на наш взгляд, действительное возрождение классического образования в России возможно только в том случае, если оно будет рука об руку идти с возрождением нашей духовности, — а это немыслимо без Православия.

Но чтобы вместить все это, и взрослому человеку, и тем более ребенку требуется определенная широта и, так сказать, прирожденная культура, которая в любом государстве формировалась и формируется постепенно. И общий вывод из всего изложенного напрашивается сам собой: полноценное классическое образование могут получить очень немногие дети в очень немногих школах с исключительными педагогами редких профессиональных и человеческих достоинств.

Речь идет об элите, и она должна быть в области образования так же, как есть элита в спорте или искусстве. Единственная возможность создать такую элиту — обучать и воспитывать в классических гимназиях действительно и только способных детей. Я не берусь с уверенностью сказать, меньше или больше рождается детей, способных получить полноценное классическое образование, по сравнению, например, со способными футболистами; но что внимания классическому образованию уделяется у нас несопоставимо меньше, чем футболу, — сомнению не подлежит.

И дело здесь, разумеется, не в отсутствии способных детей. Дело в почти полном — по масштабам России — отсутствии хороших педагогов. Тем больше необходимо ценить имеющихся и заботиться о формировании новых.

Гимназия при Греко-латинском кабинете может гордиться своими педагогами именно потому, что, например, наши преподаватели арифметики и алгебры оба читают по-латыни, а один из них — еще и по-гречески; наш преподаватель Закона Божия, доцент Московской Духовной Академии, владеет обоими древними языками и, будучи приглашен американцами, читал им лекции по-английски; наш геометр рукоположен в диаконы и служит в центре Москвы; наша преподаватель французского в детстве занималась им с Анной Ахматовой; наш географ всю жизнь провела в экспедициях и занималась научной работой, — ее географический и человеческий кругозор значительно шире разворота учебника; наш русист — видный ученый, ведет научную работу, как и наш физик, и наш биолог; а наши историки, литератор, искусствовед... — всех не перечислишь. А директор нашей гимназии — внучка знаменитого переводчика Софокла, Еврипида, Вергилия и Овидия, Сергея Васильевича Шервинского, преподает оба древних языка, а также занимается с детьми театром, танцами и выразительным чтением.

Мне при этом приятно, что почти все преподаватели так или иначе связаны с Московским университетом; дети же при таких педагогах понимают, что рассказы о разносторонне образованных людях — не пустой звук.

По всем этим причинам мы — несмотря на все трудности, неизбежно выпадающие на долю небольшого частного учебного заведения, которое занимается со способными детьми независимо от материального положения их родителей, — работаем, в полной мере осознавая свою ответственность, но в то же время абсолютно спокойно: мы уверены в достойном будущем нашей страны и ее столицы, а потому знаем, что наша работа и работа наших коллег в этой сфере будет востребована Москвой и Россией в полной мере.

При этом мы, разумеется, понимаем, что нельзя форсированно возродить величие страны и народа, при котором может действительно расцвести настоящее классическое образование, но все же считаем, что нам, москвичам, и слишком откладывать неудобно. И при соответствующей помощи города мы сможем проявить наши нереализованные возможности.

Греко-латинский кабинет уже издал свыше тридцати книг, среди которых словари и учебники древних языков, греческие и латинские тексты, пособия по мифологии, истории философии. Но без соответствующего финансирования мы покамест не можем наладить серийное издание, аналогичное некогда бывшему у нас до революции «Иллюстрированному собранию греческих и римских классиков» и множеству серий такого рода во всех цивилизованных странах; также нужны средства на подготовку и издание новых учебников и пособий по всем предметам гимназической программы.

С 1990 года мы ведем курсы древних языков и хотели бы их существенно расширить: ввести переподготовку преподавателей латинского языка. Мы собираем библиотеку по классической филологии, но даже для нее нет специального помещения, не говоря уже о читальном зале. Наши дети изучают физику в Колмогоровской школе при МГУ, прогимназия занимается в аудиториях филологического факультета МГУ, потому что с деканом факультета имеется договор о сотрудничестве и реальное сотрудничество, а ректор МГУ — председатель нашего попечительского совета; физкультурой дети занимаются то в бассейне, то на улице, то в одном зале, то в другом. Мы убедились, что с нашими талантливыми детьми можно заниматься и так; но, конечно, лучше объединить все это в одном месте и создать тем самым в центре Москвы — Центр классического образования.

Как сообщили в Отделе служебной корреспонденции Мэрии, наше письмо по этому поводу находится на рассмотрении нашего уважаемого мэра Ю. М. Лужкова. Эта заметка может служить к письму историческим и реальным комментарием.